

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2021.76.55.006

**Политическая репрезентация и «сапоги Керенского»:
В.В. Розанов о «демократическом представительстве»**

Мальцев Константин Геннадьевич

Доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры теории и методологии науки,
Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова,
308012, Российская Федерация, Белгород, ул. Костюкова, 46;
e-mail: maltsevaannav@mail.ru

Алавердян Артем Левушович

Кандидат философских наук,
доцент кафедры теории и методологии науки,
Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова,
308012, Российская Федерация, Белгород, ул. Костюкова, 46;
e-mail: arti-medwed@mail.ru

Мальцева Анна Викторовна

Кандидат политических наук, доцент кафедры теории и методологии науки,
Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова,
308012, Российская Федерация, Белгород, ул. Костюкова, 46;
e-mail: Pavic69@mail.ru

Аннотация

Предметом исследования в статье является кризис политической репрезентации, о которой К. Шмитт заговорил в 20-е годы XX века, и который признается сейчас некоторыми вполне либеральными исследователями (пример – Ф.Р. Анкерсмит).

Целью статьи является представить описания кризиса в перспективе двух парадигм современной политической философии; у Шмитта - через противопоставление «понятия политического» и экономической парадигмы (Дж. Агамбен) политического (собственно «политическое» и сведение политического к управлению); у Анкерсмита – «стоической фундаменталистской» («гомогенность») и «макиавеллистской» (признание «разрыва») традиций, принципиально не выходящих за горизонт экономической парадигмы. В статье устанавливается, что в контексте господствующей демократической легитимации, во-первых, «игнорируется» суверен (К. Шмитт); во-вторых, исключительной формой политической репрезентации является «репрезентация народа в парламенте»; российский опыт «думского парламентаризма» начала XX века представляет особенный исследовательский интерес наглядностью начала; обнаруженные В.В. Розановым существенные черты происхождения и сути «демократического представительства», механически перенесенного на вполне чуждую ему «почву», имеют отчасти

методологическое «идеально-типическое значение»; в статье доказывается релевантность розановской критики для осмысления (М. Хайдеггер) «духовно-исторического состояния современного парламентаризма» (К. Шмитт).

На основании проведенного исследования делается вывод: кризис систем политической репрезентации является необходимым следствием разложения «субстанциальных оснований политического»; смешение двух нередуцируемых парадигм представления политического ведет к «химерическим описаниям», лишенным теоретического значения; игнорирование «всегда личного» (К. Шмитт) характера политической репрезентации и попытка «репрезентировать интересы» в экономической парадигме политического является паллиативом, единственно возможным вследствие исключения решения в представлении, «снимающем» политику в управлении.

Для цитирования в научных исследованиях

Мальцев К.Г., Алавердян А.Л., Мальцева А.В. Политическая репрезентация и «сапоги Керенского»: В.В. Розанов о «демократическом представительстве» // Теории и проблемы политических исследований. 2021. Том 10. № 1А. С. 153-168. DOI: 10.34670/AR.2021.76.55.006

Ключевые слова

Парламентаризм, Дума, «понятие политического», «экономическая парадигма» политического, политическая репрезентация, революция, современность, органический рост.

Введение

О кризисе политической репрезентации впервые заговорил К. Шмитт; утверждая, что репрезентация «народа» в «парламенте» – основной способ политической репрезентации, он пишет: «Репрезентация в выражении репрезентативная система означает представительство (разумного) народа в парламенте» [Шмитт, 2016а: 128], и демократической легитимации современного демократического государства. Следовательно, кризис парламентаризма может рассматриваться как важнейший аспект кризиса всей системы политической репрезентации. Парламент есть преимущественное место для дискуссии (суть «либеральной метафизики», по Шмитту, – «бесконечная дискуссия» [Шмитт, 2016а]); в тот момент, когда дискуссия в парламенте перестает быть – перестает быть и сам парламент в своей идее, – а, по свидетельству Шмитта, это произошло сразу же после окончательной победы государства законодательства над государством правления, то есть в промежуток между мировыми войнами XX века: парламент стал местом, где фиксируются межпартийные соглашения и еще – «приводным ремнем» между правительством и партиями (одним из многих и не самым важным): «Если публичность и дискуссия в реальной действительности парламентского предприятия стали пустой и ничтожной формальностью, то и парламент, как он до сих пор развивался в качестве института, утратил свое духовно-историческое основание и смысл» [Шмитт, 2016а: 145]. Однако, это лишь часть проблемы и один аспект «кризиса»; другой, не менее важный аспект составляет то, что избиратели все более не связывают с парламентом никаких «практических надежд» (сама явка на выборы – проблема в большинстве стран); «парламент уже не имеет в себе достоинства собрания со специфическими качествами, издающего законы в специфическом смысле слова. Он уже не имеет собственного самостоятельного значения,

которое должен был бы иметь в качестве источника легальности законодательного государства, основанного на легальности. Они уже давно не являются отбором в смысле выдвижения и продвижения элиты и обоснования независимой репрезентации» [Шмитт, 2016b: 261]; «репрезентация через парламент исчезает и уже не пользуется доверием» « [Шмитт, 2016b: 232].

Однако, о кризисе говорит не только «консервативный революционер» Шмитт; вполне «благочестивый» либерал и современный политический философ Ф.Р. Анкерсмит [2014] также, независимо от Шмитта, приходит к выводу о кризисе имеющейся системы политического представительства, угрожающем самому дальнейшему существованию либеральной демократии. С другой стороны, «левый» Ж. Бодрийяр [2000] констатирует, что для политической репрезентации вообще больше «нет места», прежде всего потому, что «масса», в которую превратился народ – принципиально не-репрезентируема. Наконец, тоже «левый» С. Жижек, со ссылкой на А. Бадью, полагает, что «абсентеизм» есть лучший и иногда единственный способ поведения народа в отношении «вовлекающей» его в дискуссию власти; он пишет: «Очерчивая контуры радикального отвержения, соблазнительно прибегнуть к провокационному тезису Бадью: «Лучше не делать ничего, чем участвовать в изобретении формальных способов делать видимым то, что Власть уже признает как существующее». Лучше не делать ничего, чем участвовать в конкретных действиях, основная функция которых – помочь системе действовать мягче (скажем, расчищать пространство для множества новых субъективностей). Угроза наших дней – не пассивность, но псевдоактивность, требование «быть активным», «участвовать», прикрывать Ничтожество происходящего. Люди постоянно во что-то вмешиваются, «что-то делают», ученые принимают участие в бессмысленных дебатах и т.д. По-настоящему сложно отступить назад, отстраниться. Власть часто предпочитает диалог, участие, даже «критическое», молчанию – ей бы только вовлечь нас в «диалог», удостовериться, что наше злое молчание нарушено. И поэтому воздержание граждан от голосования есть подлинно политическое действие: оно властно ставит нас лицом к лицу с бессодержательностью современных демократий» [Гелнер, 1991: 165-166].

Абсентеизм и «прямая демократия» есть революционные стратегии, разрушающие современное демократическое либеральное представительное государство; если такая цель не ставится – то разобраться в основных причинах «кризиса репрезентации» является актуальной теоретической и политической задачей. Указанный кризис имеет длительную историю; со времени «констатации» Шмитта прошло почти сто лет; господство либеральной идеологии, либеральный вариант «экономической парадигмы» политического: как писал еще М. Вебер [2016, I, IV], в современном государстве политика заменяется управлением, так как больше нет принципиальной разницы в управлении людьми или вещами и государство в этом случае можно понимать по аналогии с предприятием, – определяют современные рассуждения о политическом почти безраздельно, по крайней мере, если речь идет об академической науке. Если «классические» западные демократии имеют «резерв устойчивости», то «новые демократии» (а к ним относятся все «не-западные») находятся в наиболее «угрожаемом положении» (опять же, если не ставить революцию целью); Россия в этом отношении несколько не является исключением: краткий опыт парламентаризма начала XX века, Государственную Думу, едва ли можно считать «успешным»; некоторые исторические особенности нашего государства также неблагоприятны для существования «представительной демократии». Среди многочисленных критиков «думского опыта», принадлежащих самым разным политическим течениям и исповедующих различную идеологию, выделяется В.В. Розанов: злой и пристрастный, но пронзительный критик, сумевший *увидеть* и *указать существенные* (то есть

относящиеся к области философии политики) причины «неуспеха» российского варианта демократического представительства и думского парламентаризма; основные положения его критики являются предметом нашего исследования.

Понятие политической репрезентации

Выяснение *понятия* политической репрезентации является первым необходимым шагом нашего анализа. Классическая теория политической репрезентации принадлежит К. Шмитту. Шмитт писал, что политическое единство народа никогда не «налично», и его «тождественность» предполагает всегда *личную* репрезентацию; «все различия подлинных государственных форм, какого бы рода они ни были – монархия, аристократия и демократия, монархия и республика, монархия и демократия и т.п., – могут быть сведены к этому решающему противоречию тождества и репрезентации» [Шмитт, 2010: 61]. Тождество и репрезентация не исключают при этом друг друга, так как репрезентация – не единственный способ, которым реализуется «единство народа»; «даже там, где предпринимается попытка безусловно реализовать абсолютное тождество, неизбежными остаются элементы и методы репрезентации, и наоборот, никакая репрезентация невозможна без представлений о тождестве. Обе эти возможности, тождество и репрезентация, не исключают друг друга, но являются двумя разнонаправленными ориентирами для конкретного формирования политического единства. Какой бы из них не перевешивал в любом государстве, все же они оба имеют отношение к политическому существованию народа» [Шмитт, 2010: 42]. Однако современное государство – репрезентативно «по существу»: любые формы «неопосредованного тождества народа» существенно не «совместимы» ни с «государством управления» (в котором, однако, может быть исключена «репрезентация народа в парламенте»: принцип «вождизма» (раньше – монархический принцип) в любой форме также обеспечивает репрезентацию народа, но полагается «неприемлемым» с точки зрения господствующих на западе политических ценностей), ни тем более с «государством законодательства», – современными формами государства, по классификации Шмитта. Проблема в том, что, по Шмитту, репрезентация – всегда личная репрезентация (вместо «вождя» может быть поставлен «лидер», что не вызывает идеологической идиосинкразии); понятие репрезентации, прежде всего, по Шмитту, нужно «очистить от смешения с другими понятиями, такими как поручение, замещение, управление делами, комиссия, доверительное управление и т.п.» [Шмитт, 2010: 46], то есть от частноправовых и экономических представлений. Репрезентация в этом смысле – не «вещное понятие»; «в идее репрезентации сильна мысль о личном авторитете, как репрезентант, так и репрезентированное должны утверждать личное достоинство» [Шмитт, 2016d: 77]; «в эминентном смысле репрезентировать можно только лицо, а именно, – в отличие от простого представительства – авторитетное лицо или идею, которая, коль скоро она репрезентируется, также и персонифицируется» [Шмитт, 2016d: 77]; «репрезентация сообщает лицу репрезентанта собственное достоинство, ибо репрезентант высокой ценности не может быть не ценным» [Шмитт, 2016d: 77]. Если оставить в стороне вопрос о репрезентации идей, то исторически мы имеем два основных репрезентата в политике: монарха (главу государства) и парламент («парламент есть место, где рассеянные среди людей, неравно распределенные частички разума собираются и приводят к публичному господству» [Шмитт, 2016a: 128-129], пишет Шмитт, высказывая таким образом не собственное мнение, но «общее место» либеральной демократической идеологии); «в современном парламентаризме, по меньшей мере, что касается

его идеальных и теоретических оснований, содержится идея репрезентации. Он даже покоится на «репрезентативном принципе» (таково техническое название). Пока это выражение означает лишь представительство, то есть именно избирающих индивидов, ничего характерного в нем нет. В государственно-правовой и политической литературе последнего столетия под репрезентативным принципом понимали народное представительство, репрезентацию народа в противоположность другому репрезентанту, а именно королю; но оба они – а там, где конституция является республиканской, только парламент – репрезентируют нацию» [Шмитт, 2016d: 81]. Шмитт определяет шесть «признаков» политической репрезентации: репрезентация публична; репрезентация «экзистенциальна»¹; репрезентация – это именно политическая репрезентация, так как в своей сущности она «является чем-то экзистенциальным» [Шмитт, 2010: 51]²; «репрезентируется политическое единство как целое» [Шмитт, 2010: 52]; правительство, в этом отношении, «отличается от управления или ведения дел тем, что отображает и конкретизирует духовный принцип политического единства» [Шмитт, 2010: 52]. Таким образом, «не любой произвольный орган является репрезентантом» [Шмитт, 2010: 52]; партии, профсоюзы, другие подобные организации могут рассматриваться как репрезентанты, но не на уровне политического единства – государства. Шмитт строго различает репрезентацию и представительство частных интересов; «репрезентант независим, а потому не является ни функционером, ни агентом, ни комиссаром» [Шмитт, 2010: 53]; наконец, «персональное начало государства заключается не в понятии государства, а в репрезентации» [Шмитт, 2010: 56]. Однако, максимум репрезентации же означает максимум правительства и «опасность этого состояния заключается в том, что игнорируется субъект политического единства – народ, а государство, которое никогда не есть что-то иное, нежели народ в состоянии политического единства, лишается своего содержания. Тогда это было бы государством без народа» [Шмитт, 2010: 57-58]. Таким образом, «репрезентация» должна уравниваться другими способами «обеспечения единства» народа как суверена, что предполагает необходимость «прямой демократии», по Шмитту – в форме связанных между собой «аккламации» и «вождизма» (не «лидерства»: «замена» вождя лидером возможна только в либеральной экономической парадигме политического, когда политическое решение исключается управлением, а принципиальное различие между «вождем» и «лидером» снимается: лидер – это и функционер, и агент управления, и комиссар).

Принципиальное расхождение в понимании политической репрезентации К. Шмиттом и ее современными толкованиями обусловлено различием двух основных парадигм современной западной политической философии («понятие политического» Шмитта и либеральный вариант экономической парадигмы политического) и может быть определено следующим образом. Для

---

¹ «Репрезентация является не нормативным процессом, методом или процедурой, а чем-то экзистенциальным»; репрезентировать означает «сделать видимым и настоящим некое невидимое бытие посредством публично присутствующего бытия», притом не «какого-то бытия», не частного, но именно «возвышенного бытия, способное на вознесение в общественное бытие, на экзистенцию» [Шмитт, 2010: 48]: «В репрезентации происходит конкретное проявление высшего вида бытия. Идея репрезентации основана на том, что народ, существующий в качестве политического единства, обладает высшим и возвышенным, более интенсивным видом бытия в отличие от естественного существования какой-либо совместно проживающей группы людей» [Шмитт, 2010: 49],

² Это следует из «понятия политического» Шмитта, в основе которого – экзистенциальное противопоставление «друг/враг»: «экзистенция» и «политическое» существенно и *исключительно* (в отличие от других «областей сущего») связаны.

Шмитта в «основе» полагается «экзистенция» политической общности «народа»; индивид политически определяется, таким образом, *через* «естественную» общность, которая, разумеется, имеет «историю», но прежде нее – «судьбу»: история есть «реализация», или, напротив, «крах» «судьбы народа», как бы ни определять эту «трансценденцию»; «экзистенция» и «трансценденция» в судьбе и истории народа связаны *существенно*. Напротив, в либеральной экономической парадигме политического, часто – со ссылкой на Канта [1965] (разумный индивид), реже – на Гегеля [1990] (лицо), автономный индивид, свободно осуществляющий себя (в государстве, то есть в области «публичного» – как «разумный индивид», и в этом – существенно не-отличимый от любого «другого»; в «партикулярностях» – как «субъект частных интересов», которые «акцидентальны» и в этом смысле «безразличны» к его (субъекта) сущности как *лица*) полагается в своей «всеобщности» центром и источником любых «сообществ» (по Канту и Гегелю – кроме всеобщего государства), в либеральной версии – в том числе и государства. Политический порядок, который больше не отличается от «порядка управления» предполагает, на что указал еще Шмитт, что собственно либеральное мышление «обходит или игнорирует государство и политику и вместо того движется меж типических снова и снова повторяющихся полюсов двух гетерогенных сфер, а именно этики и хозяйства, духа и гешефта, образования и владения собственностью» [Шмитт, 2016с: 348]. Основой последовательного либерализма является последовательный индивидуализм; недоверие к политическому «объясняется принципами системы, для которой отдельный человек должен оставаться *terminus a qua u terminus ad quem*» [Шмитт, 2016с: 348]. Политическое единство, власть есть власть над жизнью и смертью, а «для индивидуализма либерального мышления это притязание никоим образом недостижимо и не может быть обосновано» [Шмитт, 2016с: 348]. Либеральный пафос «обращается против насилия и несвободы» [Шмитт, 2016с: 349] и «то, что оставляет этот либерализм от государства и политики, ограничивается обеспечением условий и устранением помех для свободы» [Шмитт, 2016с: 349]. Но свобода эта понимается тоже неполитически; «либеральные понятия типическим образом колеблются между этикой («духовностью») и экономикой (гешефтом) и с этих противоположных сторон пытаются уничтожить политическое как сферу «завоевывающей силы», причем понятие «правового», то есть «частноправового», государства служит рычагом, а понятие частной собственности – центром глобуса, полюса которого – этика и экономика – суть лишь противоположные излучения этого центра. Этический пафос и материалистически-экономическая предметность соединяются в каждом типично либеральном выражении и видоизменяют каждое политическое понятие» [Шмитт, 2016с: 349].

Итак, стирается различие между «лицом» и «субъектом интереса»; политическое представляется неким «равновесием» между «интересами»; интерес, представленный публично (или высказанный приватно – разницы уже почти нет) есть «мнение» и «политическая борьба», таким образом, есть «борьба мнений» в «бесконечной дискуссии» как сущности «либеральной метафизики», по Шмитту (без ссылки на Шмитта, так определяется «сущность политического» и Ю. Хабермасом [2001], и Дж. Ролзом [2010]). Анкерсмит, озабоченный «спасением демократии», по-своему, повторяет утверждение Поппера [1992, I, II] о главном достоинстве демократии: вражда между людьми заменяется конкуренцией мнений, но несколько «смещает» (даже своеобразно переворачивает) известную попперовскую позицию: «Всегда проще, и, конечно же, продуктивнее иметь дело с людьми, придерживающимися несоизмеримых мнений, чем с самими несоизмеримыми мнениями (и идеалами); и можно показать, что один из самых выдающихся успехов демократии – это перенос несоизмеримости из контекста второго типа в

гораздо более простой для успешной работы контекст первого типа» [Анкерсмит, 2012: 217]. Демократия, в результате, не должна рассматриваться как политическая форма, которая вовлекает в процесс принятия политического решения все население: «Политическая система демократии трансформирует политические идеалы в политические мнения, а точнее, приводит к появлению людей, обладающих мнениями, – именно в этом уникальное и эпохальное открытие демократии, объясняющее, почему она намного успешнее в утверждении гражданского согласия, чем все прочие политические системы» [Анкерсмит, 2012: 217]. Речь идет именно о том, что демократии удастся перевести убеждения в политический режим мнений, и, соответственно, компромисс, ставший вследствие этого возможным, составляет суть демократии как политического порядка. Анкерсмит указывает на историческую ситуацию возникновения представительной демократии, когда именно компромисс был единственным выходом и спасением: «Парламентская демократия была весьма искусной политической системой, изобретенной в эпоху Реставрации, чтобы ослабить остроту конфликта и защитить Европу от новой волны революций и идеологических войн. Центральным элементом этой системы стала политика *juste-millieu*» [Анкерсмит, 2012: 124]; оптимальным решением, к которому стремились все политически активные силы, желающие избежать гражданской войны/революции, «был не консенсус, а компромисс» [Анкерсмит, 2012: 124].

Современная ситуация, по Анкерсмицу, характеризуется тем, что политическая репрезентация как механизм, приводящий различные мнения к единству на основе компромисса, в последние годы «почти сломался»: «мнения» становятся все более «различными», без возможности «базового консенсуса» и несопоставимыми. Решить эту проблему, он полагает, можно отказавшись от «классической политической репрезентации», и перейдя к «эстетической политической репрезентации», суть которой – в признании и принятии «разрывов», «границ» и «несопоставимостей» – и «эстетическое» преобразование их в (утрачиваемое) единство. Для этого «эстетическое опосредование» должно быть на политическом уровне *тотальным*, и *политическое* различие между управляющими и управляемыми – последовательным и *радикальным*. Собственно говоря, этот «выход» предвидел еще К. Шмитт, когда говорил, как мы писали, об «исчезновении народа» при последовательной репрезентации и о том, что в либеральной политической теории *исключается* суверен, будь он «в форме народа или монарха»: Анкерсмит настаивает *в первую очередь* на безусловном исключении всех форм «прямой демократии» (на «политическом уровне», оставляя ее только как форму самоуправления на максимально «локализованном», «местном» уровне).

В.В. Розанов: «идеально-типическое значение» опыта критики «думского парламентаризма»

То, что данные «теоретические модели» политической репрезентации появились только в XX веке (а последняя – даже скорее в XXI) нисколько не означает их «недействительность» для более раннего времени: кризис политической репрезентации, если верить Шмитту, возник сразу же после того, как «представительство народа в парламенте» победило «монархическое представительство». В этом отношении Россия (и, соответственно, рассуждения В.В. Розанова) имеют особенную репрезентативную ценность для политической философии и политической теории: здесь мы можем наблюдать «момент перехода» и в этом смысле – *архэ* всего «разворачивающегося» в последующем (точно по Хайдеггеру: *архэ* есть начало и принцип, который «содержит» в себе все «из себя происходящее»).

В рассуждениях Розанова о политике, на первый взгляд, нет «порядка»: в частности о Думе (только это нас сейчас интересует) он высказывался как почти «энтузиастически», так и «саркастически» и даже «зло», причем это не связано с «переменой взгляда» или с «развитием»: полярные высказывания «одновременны», едва ли «не в один момент». Розанов – литератор, сотрудник множества газет самого разного политического направления, никогда не «смущался» высказываться в том смысле, какого требовало «направление издания», полагая, что все это – «шум» и «суета», «настроение», которое у него было, по собственному признанию, «переменчивым». И меньше всего, по общему мнению, у него можно найти что-либо похожее на «философию политики». Мы полагаем это «мнение» поверхностным и ошибочным. Центральное положение философии Розанова, которое он высказал так: «Может быть, другие не имеют права умереть сами, но я имею право умереть сам» [Розанов, 2010: 307], определяет горизонт его, в числе прочего, *философского* понимания политического; из этого права, наивысшей задачи, предназначения, цели: «умереть самому» – вырастает «оправдание царства»: царство «внешним образом», как «сфера», обеспечивает возможность «своей смерти»; оправдание и суть царства. И уже в горизонте этого его оправдания осуществляется содержательная оценка, «упорядочение» всего того, что составляет «область политического»: становится возможной и даже необходимой – философия политики. Политика как шум, как борьба мнений и интересов, – то есть все то, что считается сейчас «политикой» (необходимо: в либеральной парадигме политического) – ко всему этому Розанов враждебен; он писал: «Да, есть политический цинизм. Потому что политика вообще есть цинизм. И если вложить еще трагическое сюда – слишком много чести» [Розанов, 2010: 348]. Эта политика должна быть «уничтожена»; средством такого уничтожения он полагал необходимость «перемешать все мнения», «согласившись со всеми» – и тем самым полностью *обесценив* такие «мнения», «программы» и «идеологии», которые для «истинной жизни» (она «тихая» и «частная») и не нужны, и просто «вредны». Может быть, как «развлечение» они могут быть «допущены», но только до тех пор, пока «не мешают». Но такие развлечения, видит Розанов, именно в «современности» ведут к гибели; суть современности, по Розанову, в том, что «самая почва «нашего времени» испорчена, отравлена. И всякий дурной корень она жадно хватает и произращает из него обильнейшие плоды. А добрый корень умерщвляет» [Розанов, 2010: 191], и «вся «цивилизация XIX века» есть медленное, неодолимое и, наконец, восторжествовавшее просачивание всюду кабака. Кабак просочился в политику – это «европейские (не английский) парламенты». Кабак прошел в книгопечатание. Ведь до XIX века газет почти не было (было кое-что), а была только литература. К концу XIX века газеты заняли господствующее положение в печати, а литература – почти исчезла. Кабак просочился в «милое хозяйство», в «свое угодье». Это – банк, министерство финансов и социализм. Кабак просочился в труд: это фабрика и техника. Раз я видел работу «жатвенной машины». И подумал: тут нет Бога» [Розанов, 2010: 198]. И Розанов заключает: «Бога вообще в «кабаке» нет. И сущность XIX-го века заключается в оставлении Богом человека» [Розанов, 2010: 198].

Мы оставляем в стороне «миф о русском царстве» Розанова; предмет нашего исследования – именно «кабак», то есть «демократическое представительство», Государственная Дума, как «отделение» этого «кабака». Однако сразу оговоримся: из приведенных выше слов Розанова видно (и он неоднократно писал об этом), что представительство, и «демократическое представительство» может быть «органичным»: таков, по Розанову, английский парламент; таким образом обнаруживается еще одно направление нашего анализа: что именно отличает английский парламент от, в частности, Государственной Думы.

Горизонт тематизации «думского представительства» у Розанова задается его утверждением о том, что Дума – «не органична»: она не «выросла» из народной жизни³; она противогосударственна (экзистенциально несовместима) ни с «мифом русского царства», ни с исторически сложившимся понятием и *существованием* империи), – напротив, Дума – «современна», «секулярна», есть «механическое перенесение» западного революционного «изобретения» и как таковое – «смертельно ядовито» для России; принципиальное различие между тем, что «растет» («почва», «корни», «органическая форма», – и далее очень близко к тому, что писал об этом М. Хайдеггер), и тем, что «сконструировано» и не может быть ни «воспринято», ни даже просто «подогнано» под «жизнь народа и его государства», – проводится Розановым последовательно в отношении всего «политического» тем радикальнее, что само «политическое» для него – «только цинизм». Дело ни в коем случае не в «национализме» (который тоже «политический»), но в том, повторим, что Дума – «современна», то есть «революционна» по существу. И опять необходимо уточнение: Розанов не менее последовательно различает «современную политическую революцию» – от «подлинной революционности», считая, например, Достоевского и себя – именно революционерами (он пишет, что быть революционером «в наше время» – это быть «за царя» и «за Россию» – и тем самым находится в «экзистенциальной оппозиции» всему «современному»); различает он и «народ» и «общественность», которая тоже (и даже в высшей степени) «современна».

Таким образом, его суждения о Думе обретают «горизонт» и «почву». Прогресс, техника, либерализм, Дума, по Розанову, необходимы, но «на своем месте» и «в свое время»; главная проблема в том, что они «стали властью» и претендуют на то, чтобы стать «всеми»; в «современности» дело все в том, что «либерализм и западничество» начинают не просто претендовать на «душу», но вовсе «занимают ее место». Появляется «человек программы», политический деятель «с программой и проектом конституции»: «Для безличного человека программа заменяет лицо. Программа вообще издали кажется лицом. Вот почему, по мере того как общество падает, вырождается, как способных людей в нем становится меньше и меньше, – программы пылают, все обряжаются в программы, – и, кажется, живешь не среди людей, а среди программ. На самом же деле и в глубине вещей программа есть просто неприличие. Ведь программа – «не мое» на «мне». Она есть всегда плагиат и обман «на счет того лица, которое имеет программу». Можно ли представить себе Кольцова, держащегося «партии демократических реформ»? Гоголь или Пушкин «с программой» – это что-то чудовищное. Напротив, Кутлера и нельзя себе вообразить без программы. Если он «без программы» – он ничего. Без галстука, шляпы и вообще голый. Голый и жалкий. Без «программы» он только спит. Но, уже просыпаясь одним глазом, говорит лакею или жене: «Душечка – скорее программу!»

---

³ До всех различий, проведенных в западной политической философии (в экономической парадигме политического прежде всего) между «народом» и «нацией» как «политической формой народа», и помимо господствующих утверждений об «историческом и специально политическом происхождении» нации (Э. Геллнер [1991], Андерсон [2001], из последних – М. Манн [2018, II]), вне «конструктивистского дискурса нации» (Р. Брубейкер [2010]), – Розанов утверждает «органичность» народа (в смысле, близком К. Шмитту) и «русскости»; более того – их «мифичность» в самом строгом значении, и в этом отношении он нисколько не «до-научен»: К. Хюбнер, например, специально относительно нации настаивает: «она не соотносится ни с каким предметом научного познания, но априори положено в основание некоторой области познания, в данном случае политического поля» [Хюбнер, 2001: 6], и тогда утверждая, что «идея нации и идея Европы должны быть осознаны в их исторической глубине» [Хюбнер, 2001: 9], и утверждает, что нация «мифична» и что никакие попытки представить ее как «гражданскую идентичность» (свободный выбор автономного индивида) изначально «неадекватны».

Вот происхождение Набоковых и Родичевых. И вот из кого состоит парламент» [Розанов, 1998: 31]. Такой парламент, то есть Дума целиком относится к «современности», то есть время утилитаризма, лавочников; «Лавочники... Парламент есть просто собрание лавочников. Людей сегодняшнего «вторника», без мысли о среде и без воспоминания о понедельник» [Розанов, 1998: 213], и когда «парламент, то есть «эти лавочники», борются с царскою властью, они борются и ненавидят именно Древность и Вечность, как отрицание их «вторника». Я думаю, у «парламента» и Царя нет общих слов, нет одного разумения. Я думаю, Царю в высшей степени удивительно, что говорит парламент, а парламент никогда не поймет, что думает Царь. Царь, «Помазанник Божий», – прямо алхимия для современного человека» [Розанов, 1998: 214].

Заканчивается обычно тем, что «сутью» и «символом» «демократического представительства» становятся «сапоги Керенского»: ««В комнату вошла пара сапог с телеграммою» («Сообразительность помогла», Кон. Дойль). Это очень хорошо. «На кафедру Государственной Думы вышли сапоги Керенского». Потому что голова ему – совершенно лишнее украшение. Что же такое «голова Керенского»? А сапоги могут быть от Вейса и стоить 12 рублей» [Розанов, 1994: 276]; «да вовсе не в Милюкове дело, а в Керенском. Милюков имеет свой ум, свою тактику – и это вовсе не интересно. В «данной плоскости» играет роль не лицо, а безличность, и Керенский – ее выразитель. Он «серая шинель» парламента и парламентаризма, – которая «сделала все походы» и привела дело к вожделенной победе» [Розанов, 1994: 279]; «Керенский есть общая возможность парламента и парламентаризма, это гораздо важнее, чем «был Кромвель». «Был» и «не стало», «был» и «прошло»: а Керенский никогда не пройдет, а с ним вместе никогда не пройдет внутренний аппетит к парламенту, внутренняя жажда его, которую невозможно наполнить, как бочку Данаид. «Я жажду» (Керенский)» [Розанов, 1994: 279]. Керенский – «целая цивилизация» [Розанов, 1994: 280], современная новоевропейская цивилизация: «Это как «рождаемость». Не важно, что родился «слон», и не важно, что родился «Ньютон». Колоссально важнее одного и другого (даже «рождения Ньютона»), что существует вообще эта протоплазма, яичность и существо яйца, яйцеводы, матка и вообще «утробушка мира». Тогда уж «пойдут рождаться» и действительно «пошли рождаться». Так «Милюковы уж пойдут», раз есть «Керенский». Не Милюков родил Керенского. Такого колосса он не мог родить. Напротив, из колоссальной «утробушки Керенского» – родились и Милюков, и будет вообще много Милюковых. Керенский – «чресла». Чресла «парламентаризма». То есть что «будет много людей, преданных общественному интересу»» [Розанов, 1994: 280]. Керенский – именно символ, и поэтому «историку следовало бы выгравировать Керенского, не забыв ни одного волоска, шевелюры, как он причесывается и даже как сидят на нем брюки. Все колоссально важно. Все есть – общая суть истории. Ну, а важна ли она, об этом уж не нам разговаривать» [Розанов, 1994: 280].

Дума в этом смысле нисколько не репрезентирует народ; она репрезентирует «общественность»; даже просто механизм ее формирования одновременно и «непонятен» и «чужд», по Розанову, народу.

Розанов пишет о том, что «все могло быть иначе», чем «вышло» из нашего «парламентаризма»: «Между тем роль его была действительно велика и высшей степени проста. Нужно было избавиться от того «крапивного семени», с которым войну начал еще Сумароков, – от чиновничества. Точнее – не избавиться, а серьезно подчинить себе и своему активному, возбуждающему контролю. Для этого надо было именно осоюзиться с Царем, с духовенством, с дворянством, с купечеством, которых чиновник, в сущности, всех «съел». Съел, поставя на место их свою безличность и формальность. Нужно было вернуть «лицо» всем этим угнетенным

началам русской истории, – лицо, достоинство, деятельность» [Розанов, 2010: 331]. Однако, вместо этого «парламент у нас явился «журналистом», тем русским журналистом, который беден, и потому ругает богатых, без власти и потому ругает людей значительных, – жид и некрещеный, и потому ругает русских и веру. Это нелепое и чудовищное явление, вполне гадкое и в гуттенберговском наборе, стало еще гаже, обсуждая «законы». Оно стало комическим явлением и ничем, кроме комических заслуг, не может отличаться» [Розанов, 2010: 331]. Иначе – это, в том числе, «как в Англии»: «Весь парламент есть, в сущности, бодливость безрогих коров и «критика на быка» раздувающейся лягушки. По крайней мере наш парламент и по крайней мере до сих пор. Удался и с достоинством он только в Англии. Там он – народен и «с осанна». У нас он в противоречии «с Господи помилуй», и, вероятно, просто пройдет. Нам нужно что-то другое» [Розанов, 2010: 330].

Однако, мы полагаем, что *иначе не могло быть*: суть, историческое происхождение и само «понятие парламента» – в разделении и ограничении (сначала – монархии, потом – компромисс «частных интересов») и его возможность обусловлена *революцией как современностью* (в этом отношении именно английский парламент – *исключение*, определение оснований для которого – вне предмета нашего рассмотрения).

Заключение

Итак, наши выводы из сказанного можно разделить на три группы.

Во-первых. К неисправимой путанице приводит *неразличение двух понятий* (как «понятия», то есть радикальные философские понятия, по Шмитту в них «совмещаются» «действительность» и «смысл» – прерогатива *исключительно* философских понятий) политической репрезентации, получающих значение в двух *различных парадигмах* политического и определяемых ими целиком и тотально «политических действительностях» (речь идет не об «идеальных типах», но о «радикальных метафизических понятиях» – парадигмах, или, в современной интерпретации Аристотеля – «схемах» по Канту. «Запад» определен экономической парадигмой политического; «усовершенствованное» Анкерсмитом понятие репрезентации и выработка «эстетической политической репрезентации» несколько не выходит за границы господствующей парадигмы, отсылая при этом (как утверждает Анкерсмит), к «макиавелистской традиции» западной политической философии – против господствующей «фундаменталистско-стоицистской».

Во-вторых. «Переход» всегда опасен возможностью «срыва»; в этом случае «эстетического преодоления разрыва» не произойдет (отсутствуют традиция, инерция, «культурные особенности», привычка, наконец). Манн утверждает, что «интерес к государству» и «вовлеченность в политику» масс – явление относительно новое и совсем не «постоянное», большей частью массы – вне политики и специально политических «интересов», и это – необходимое условие «успеха» «эстетических инструментов» Анкерсмита. «Эстетика Французской революции» – совсем не тот результат, который ожидают почти все (кроме революционеров) от механизмов политической репрезентации.

В-третьих. Кажется, «выбор парадигмы» как *политическое решение* – вне возможностей ни индивидов, ни групп, ни «элит»; «как пойдет» – не может предсказать никто (по крайней мере – в горизонте современной политической философии, которая тоже, как она сейчас есть – продукт современности и по сути своей то, что Хайдеггер называл «историографическим», в противоположность «бытийно-историческому»); но те «эстетические моменты», на которые

указывал Розанов, характеризуя «первое издание думского представительства», должны быть «эстетически же» учтены и «подправлены». Это не изменит ничего по сути и «современность» останется «сама собой»; не поменяется и суть «представительства», – но революционных потрясений, особенно таких, которые ничего не меняют, желательнее было бы избегать.

Наконец, в-четвертых. В отечественной традиции «личная репрезентация» как «приведение к тождеству» народа, в *противоложность* «репрезентации народа в парламенте», *значима* в гораздо большей степени, чем в западных либеральных демократиях (утверждение дискуссионное и определяется в зависимости от *значения*, которое придается современным «конституционным», но *монархиям*). Это следует удерживать в расчетах, независимо от «деклараций о намерениях» и даже от «законодательства»: К. Шмитт, с которым можно вполне согласиться, утверждал, что «чистый нормативизм», который отстаивал, например, неокантианец Кельзен и которым любят злоупотреблять либеральные теоретики «правового государства, невозможен и даже последовательно не-мыслим: конкретный правовой порядок – это еще и «интерпретация», и, главное решение и правоприменение. Таким образом, структурно (вне «намерений» акторов), ситуация, которую Шмитт считал «характерной» для XIX века, то есть для становления парламентаризма и государства законодательства (тогда это было противостояние монарха и «демократического представительства»), имеет место в современных российских политических реалиях (и даже стала «актуальной» в событиях 1993 года). Если согласиться, что «личная репрезентация» в политике неустранима ни в каком случае (пусть даже в горизонте либерального варианта экономической парадигмы политического – как «пустое место», «японский император» Анкерсмита), то для обеспечения *равновесия и мира*, «теоретические модели» бесполезны, – а их построение вне названных в статье *различений* – представляется едва ли возможным.

Библиография

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон – Пресс – Ц., Кучково поле, 2001. 288 с.
2. Анкерсмит Ф.Р. Политическая репрезентация. М.: Издательский дом Государственного университета - Высшей школы экономики, 2012. 288 с.
3. Анкерсмит Ф.Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2014. 432 с.
4. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального Екатеринбург: Издательство уральского университета, 2000. 96 с.
5. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, КДУ, 2006. 389 с.
6. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
7. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии в 4 т. Т. I. Социология. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 445 с.
8. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии в 4 т. Т. IV. Господство. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 542 с.
9. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
10. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 320 с.
11. Жижек С. О насилии. М.: Издательство «Европа», 2010. 184 с.
12. Кант И. Критика практического разума / Иммануил Кант. Сочинения в шести томах. Т.4. Ч. 1. М.: Мысль, 1965. С. 311-504.
13. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591с
14. Кельзен Г. Чистое учение о праве. СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. 542 с.
15. Мальцев К.Г. «Своя смерть» и Русское царство: Философия политики В.В. Розанова (монография) / К.Г. Мальцев, А.В. Мальцева. Белгород: Издательство БГТУ им. В.Г. Шухова, 2020. 284 с
16. Мальцев К.Г. Понятие политического и «мировой беспорядок»: перспективы согласия, войны и глобального имперского порядка В 2-х книгах / К.Г. Мальцев, А.В. Мальцева, А.Л. Алавердян, Л.Л. Ломако. Белгород: Издательство БГТУ им. В.Г. Шухова, 2020. 727+752 с.

17. Манн М. Источники социальной власти: [в 4 т.]. Т. 1: История власти от истоков до 1760 года н.э. М.: Дело, 2018. 748 с.
18. Манн М. Источники социальной власти: [в 4 т.]. Т. 2: Становление классов и наций-государств, 1760-1914 годы. Ч. 1; 2. М.: Дело, 2018. 503 с. + 507 с.
19. Поппер К. Открытое общество и его враги. В двух томах. Том 1,2. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с. + 448 с.
20. Розанов В.В. Мимолетное /В.В Розанов/ Собрание сочинений. Том 2. М.: Республика, 1994. 544 с.
21. Розанов В.В. Листва. Уединенное. Опавшие листья. Указатели. /В.В Розанов/ Собрание сочинений. Том 30. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. 591 с.
22. Розанов В.В. Сахарна /В.В Розанов / Собрание сочинений. Том 9. М.: Республика, 1998. 462 с.
23. Ролз Д. Теория справедливости. М.: ЛКИ, 2010. 536 с.
24. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб: Наука, 2001. 382 с.
25. Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. М.: Логос, 1997. 143 с.
26. Хайдеггер М. Размышления II—VI (Черные тетради 1931-1938). М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 584 с.
27. Хайдеггер М. Размышления VII—XI (Черные тетради 1938-1939). М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 528 с.
28. Хайдеггер М. Размышления XII—XV (Черные тетради 1939-1941). М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. 344 с.
29. Хюбнер К. Нация: От забвения к возрождению. Москва: Канон +, 2001. 400 с.
30. Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма / К. Шмитт / Понятие политического. СПб.: Наука, 2016а. С. 93-170.
31. Шмитт К. Легальность и легитимность /К. Шмитт/ Понятие политического. СПб.: Наука, 2016б. С. 171-279.
32. Шмитт К. О трех видах юридического мышления / К.Шмитт / Государство: Право и политика. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2013. С. 307-356.
33. Шмитт К. Понятие политического /К. Шмитт/ Понятие политического. СПб.: Наука, 2016с. С. 280-408.
34. Шмитт К. Римский католицизм и политическая форма /К. Шмитт/ Понятие политического. СПб.: Наука, 2016д. С. 60-93
35. Шмитт К. Учение о конституции /К. Шмитт/ Государство и политическая форма. М.: Изд. Дом. ГУ ВШЭ, 2010. С. 33-236.

Political representation and Kerensky's boots: V.V. Rozanov on “democratic representation”

Konstantin G. Mal'tsev

Doctor of Philosophy,

Professor,

Professor of the Department of Theory and Methodology of Science,

Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov,

308012, 46, Kostyukov st., Belgorod, Russian Federation;

e-mail: maltsevaannav@mail.ru

Artem L. Alaverdyan

PhD in in Philosophical sciences,

Associate Professor of the Department of Theory and Methodology of Science,

Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov,

308012, 46, Kostyukov st., Belgorod, Russian Federation;

e-mail: arti-medwed@mail.ru

Anna V. Mal'tseva

PhD in Political Science,
Associate Professor of the Department of Theory and Methodology of Science,
Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov,
308012, 46, Kostyukov st., Belgorod, Russian Federation;
e-mail: Pavic69@mail.ru

Abstract

The subject of research in the article is the crisis of political representation, about which K. Schmitt spoke in the 1920s, and which is now recognized by some quite liberal researchers (for example, F.R. Ankersmit). The purpose of the article is to present descriptions of the crisis in the perspective of two paradigms of modern political philosophy; for Schmitt - through the opposition of the «concept of the political» and the economic paradigm (J. Agamben) of the political (actually «political» and reducing the political to governance); for Ankersmith - «Stoic fundamentalist» («homogeneity») and «Machiavellian» (recognition of the «gap») traditions, which fundamentally do not go beyond the horizon of the economic paradigm. The article establishes that in the context of the dominant democratic legitimation, firstly, the sovereign is «ignored» (K. Schmitt); secondly, the exclusive form of political representation is «the representation of the people in parliament»; the Russian experience of «Duma parliamentarism» at the beginning of the twentieth century is of particular research interest because of the clearness of the beginning; discovered by V.V. Rozanov, the essential features of the origin and essence of «democratic representation», mechanically transferred to a completely alien «soil», have partly methodological «ideal-typical meaning»; the article proves the relevance of Rozanov's criticism for comprehending (M. Heidegger) «the spiritual and historical state of modern parliamentarism» (K. Schmitt). On the basis of the conducted research, the conclusion is drawn: the crisis of the systems of political representation is a necessary consequence of the decomposition of the «substantive foundations of the political»; confusion of two irreducible paradigms of political representation leads to «chimerical descriptions» devoid of theoretical significance; ignoring the «always personal» (K. Schmitt) nature of political representation and an attempt to «represent interests» in the economic paradigm of the political is a palliative, the only one possible due to the exclusion of a decision in the view that «removes» politics from management.

For citation

Mal'tsev K.G., Alaverdyan A.L., Mal'tseva A.V. (2021) Politicheskaya reprezentatsiya i «sapogi Kerenskogo»: V.V. Rozanov o «demokraticheskom predstavitel'stve» [Political representation and Kerensky's boots: V.V. Rozanov on “democratic representation”]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 10 (1A), pp. 153-168. DOI: 10.34670/AR.2021.76.55.006

Keywords

Parliamentarism, the Duma, «the concept of the political», «economic paradigm» of the political, political representation, revolution, modernity, organic growth.

References

1. Anderson B. (2006) *Imagined communities*. London-New York: VERSO (Russ. ed.: Anderson B. (2001) *Voobrazhaemye soobshchestva*. Moscow: Kanon – Press – Ts., Kuchkovo pole Publ.).

2. Ankersmit F.R. (2002) Political representation. Stanford University Press. (Russ. ed.: Ankersmit F.R. (2012) Politicheskaia reprezentatsiia. Moscow: Izdatel'skii dom Gosudarstvennogo universiteta - Vyssheĭ shkoly ekonomiki)
3. Ankersmit F.R. (2000) Aesthetic policy. Political philosophy beyond fact and value. Stanford University Press (Russ. ed.: Ankersmit F.R. (2014) Ėsteticheskaia politika. Politicheskaia filosofiiia po tu storonu fakta i ĭsennosti. Moscow: Izdatel'skii dom GU VShĖ)
4. Baudrillard J. (2007) In the shadow of the silent majority, or the end of the social Random House (USA) (Russ. ed.: Bodriiĭar Zh. (2000) V teni molchalivogo bol'shinstva, ili konets sotsial'nogo Ekaterinburg: Izdatel'stvo ural'skogo universiteta)
5. Baudrillard J. (1993) Symbolic exchange and death. Sage Publications Ltd. (Russ. ed.: Bodriiĭar Zh. (2006) Simvolicheskii obmen i smet'. Moscow: Dobrosvet, KDU Publ.)
6. Brubaker R. (2004) Ethnicity without groups. Harvard University Press (Russ. ed.: Brubeĭker R. (2012) Ėtnichnost' bez grupp. Moscow: Izdatel'skii dom Vyssheĭ shkoly ekonomiki)
7. Weber M. (1978) Economy and society. University of California Pressin (Russ. ed.: Veber M. 2016 T. I. Xoziiastvo i obshchestvo: ocherki ponimaushcheĭ sotsiologii v 4 t. Sotsiologiiia. Moscow: Izd. dom Vyssheĭ shkoly ekonomiki,)
8. Weber M. (1978) Economy and society. University of California Pressin (Russ. ed.: Veber M. (2016) T. IV. Xoziiastvo i obshchestvo: ocherki ponimaushcheĭ sotsiologii v 4 t. Gospodstvo. Moscow: Izd. dom Vyssheĭ shkoly ekonomiki)
9. Hegel G.V.F. (1952) Hegel G.V.F philosophy of law. Clarendon Press (Russ. ed.: Gegel' G.V.F. (1990) Filosofiiia prava. Moscow: Mysl' Publ.)
10. Gellner E. (1983) Nations and Nationalism. Ithaca: Cornell University Press (Russ. ed.: Gellner Ė. (1991) Natsii i natsionalizm. Moscow: Progress Publ.)
11. Zizek S. (2008) Violence: six sideways reflections. New York: Picador (Russ. ed.: Zhizhek S. (2010) O nasilii. Moscow: Izdatel'stvo «Evropa»)
12. Kant I. (2015) Critique of practical reason Cambridge University Press (Russ. ed.: Kant I. (1965) Kritika prakticheskogo razuma / Immanuel Kant. Sochineniia v shesti tomakh. T.4. Ch. 1. Moscow: Mysl' Publ., S. 311-504).
13. Kant I. (1998) Critique of Pure Reason. Cambridge University Press (Russ. ed.: Kant I. Kritika chistogo razuma. Moscow: Mysl' Publ.)
14. Kelsen G. (1967) Pure theory of law. Berkeley, University of California Press (Russ. ed.: Kel'zen G. (2015) Chistoe uchenie o prave. St. Petersburg: OOO Izdatel'skii Dom «Alef-Press»)
15. Mal'tsev K.G., Mal'tseva A.V. (2020) «Svoia smert'» i Russkoe tsarstvo: Filosofiiia politiki V.V. Rozanova (monografiia) («One's Death» and the Russian Kingdom: Philosophy of Politics of V.V. Rozanova (monograph)) Belgorod: Izdatel'stvo BGTU im. V.G. Shukhova.
16. Mal'tsev K.G. (2020) Poniatie politicheskogo i «mirovoi besporiadok»: perspektivy soglasiia, voiny i global'nogo imperskogo poriadka V 2-kh knigakh (The concept of political and «world disorder»: perspectives of harmony, war and global imperial order) / K.G. Mal'tsev, A.V. Mal'tseva, A.L. Alaverdian, L.L. Lomako. Belgorod: Izdatel'stvo BGTU im. V.G. Shukhova.
17. Mann M. (2012) Sources of social power: [in 4 volumes]. Volume 1: The history of power from the beginnings to 1760 A.D. Cambridge univ. press (Russ. ed.: Mann M. (2018) Istochniki sotsial'noi vlasti: [v 4 t.]. T. 1: Istoriia vlasti ot istokov do 1760 goda n.ĕ. Moscow: Delo Publ.)
18. Mann M. (2012) Sources of social power: [in 4 volumes]. Vol. 2: The rise of classes and nation-states, 1760-1914. (Russ. ed.: Mann M. (2018) Istochniki sotsial'noi vlasti: [v 4 t.]. T. 2: Stanovlenie klassov i natsii-gosudarstv, 1760-1914 gody. Ch. 1; 2. Moscow: Delo Publ.)
19. Popper K. (2013) Open Society and Its Enemies. Princeton: Princeton univ. press (Russ. ed.: Popper K. (1992) Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. V dvukh tomakh. Tom 1,2. Moscow: Feniks, Mezhdunarodnyi fond «Kul'turnaia initsiativa»)
20. Rozanov V.V. (1994) Mimoretoe /V.V Rozanov/ Sobranie sochinenii. Tom 2. (Fleeting. Collected Works. Volume 2) Moscow: Respublika Publ.
21. Rozanov V.V. (2010) Listva. Uedinennoe. Opavshie list'ia. Ukazateli. /V.V Rozanov/ Sobranie sochinenii. Tom 30. (Foliage. Collected Works. Volume 30. Secluded. Fallen leaves. Pointers) Moscow: Respublika Publ.; St. Petersburg: Rostok Publ.
22. Rozanov V.V. (1998) Sakharna /V.V Rozanov / Sobranie sochinenii. Tom 9. (Suharna. Collected Works. Volume 9) Moscow: Respublika Publ., 1998.
23. Rawls D. (1999) Theory of justice. Harvard University Press. (Russ. ed.: Rolz D. (2010) Teoriiia spravedlivosti. Moscow: LKI)
24. Habermas Yu. (1990) Moral consciousness and communicative action. Cambridge, Mass.: MIT Press (Russ. ed.: Xabermas Īu. (2001) Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deĭstvie. St. Petersburg: Nauka Publ.)
25. Heidegger M. (1997) Kant and the problem of metaphysics. Indiana Yniversity Press (Russ. ed.: Xaĭdegger M. (1997) Kant i problema metafiziki. Moscow: Logos Publ.)
26. Heidegger M. (1914) Ponderings II-VI (Black Notebooks 1931-1938). Indiana Yniversity Press (Russ. ed.: Xaĭdegger M. (2016) Razmyshleniia II-VI (Chernye tetradi 1931-1938). Moscow: Izd-vo Instituta Gaĭdara)
27. Heidegger M. (1917) Ponderings VII-XI (Black Notebooks 1938-1939). Indiana Yniversity Press (Russ. ed.: Xaĭdegger M. (2018) Razmyshleniia VII-KhI (Chernye tetradi 1938-1939). Moscow: Izd-vo Instituta Gaĭdara)

28. Heidegger M. (1917) Ponderings XII-XV (Black Notebooks 1939-1941). Indiana University Press (Russ. ed.: Xaïdegger M. (2020) Razmyshleniia XII-XV (Chernye tetradi 1939-1941). Moscow: Izd-vo Instituta Gaïdara)
29. Hübner K. (1991) Das Nationale. Graz [etc.]: Stiria (Russ. ed.: Xiübner K. Natsiia: Ot zabveniia k vozrozhdeniiu. Moskva: Kanon Publ.)
30. Schmitt K. (1988) The Crisis of Parliamentary Democracy MIT Press ((Russ. ed.: Shmitt K. (2016a) Dukhovno-istoricheskoe sostoianie sovremennogo parlamentarizma / K. Shmitt / Poniatie politicheskogo. St. Petersburg: Nauka Publ. S. 93-170).
31. Schmitt K. (2004) Legality and legitimacy Duke University Press (Russ. ed.: Shmitt K. (2016b) Legal'nost' i legitimnost' /K. Shmitt/ Poniatie politicheskogo. St. Petersburg: Nauka Publ. S. 171-279).
32. Schmitt K. (2008) Constitutional Theory. Duke University Press (Russ. ed.: Shmitt K. (2013) O trekh vidakh iuridicheskogo myshleniia / K.Shmitt / Gosudarstvo: Pravo i politika. Moscow: Izdatel'skiï dom «Territoriia budushchego». S. 307-356)
33. Schmitt, Carl. (1996) The concept of the political. Chicago: The University of Chicago Press. (Russ. ed.: Shmitt K. (2016c) Poniatie politicheskogo /K. Shmitt/ Poniatie politicheskogo. St. Petersburg: Nauka Publ. S. 280-408).
34. Schmitt K. (1996) Roman Catholicism and Political Form (Contributions in Political Science) Greenwood Press (Russ. ed.: Shmitt K. (2016d) Rimskiï katoliçizm i politicheskaia forma /K. Shmitt/ Poniatie politicheskogo. St. Petersburg: Nauka Publ. S. 60-93)
35. Schmitt K. (2008) Constitutional Theory. Duke University Press (Russ. ed.: Shmitt K. (2010) Uchenie o konstitutsii /K. Shmitt/ Gosudarstvo i politicheskaia forma. Moscow: Izd. Dom. GU VShE. S. 33-236).